

**ЖИВОТНОВЕДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ УЗУСЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII века**

© **Майоров Александр Петрович**

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и общего языкознания,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: map1955@mail.ru

В статье рассматривается лексика животноводства, занимающая одно из главных мест в словарном составе забайкальского узуса русского языка XVIII в. Актуальность ее исследования заключается в том, что данная лексика обладает ярко выраженной региональной спецификой, которая обусловлена тем, что занятие животноводством, являвшееся основным видом хозяйственной деятельности у коренного населения края, оказало большое влияние на характер хозяйствования русских в процессе освоения забайкальского региона.

В работе на материале забайкальских памятников деловой письменности описываются разнообразные тематические группы слов, обозначающих домашних животных. В исследуемых памятниках богато представлена региональная лексика мастей животных — лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, верблюдов (*бобровый, халзанный, халюный* и др.), среди которых особо следует отметить семантические регионализмы (*голубой* 'пепельный, светло-серый', *крылатый* 'чалый, с темными лопатками'). Выделяются группы названий частей тела животных (*подбрюшница, хрясцы, степь* 'холка лошади'), наименования естественных и специальных отметин на шерсти животных (*иверень, выскирь, чубарина, чатина* и др.): активность их употребления была связана со случаями нередких краж скота и лошадей, конфискации имущества и передачи скота и лошадей в «государев табун». Рассматривается группа слов, обозначающих половозрастные признаки животных (*селеток, бурун, качарик, лонишак* и др.), чья вербальная характеристика в забайкальском региолекте отчасти была обусловлена влиянием бурятского языка. Представлена также тематическая группа слов, обозначающих особенности поведения животных (*суровой, урос*).

Ключевые слова: лексика; домашние животные; регионализмы; забайкальские памятники деловой письменности XVIII века.

Рассматривая общерусское и региональное в словарном составе забайкальских памятников деловой письменности невозможно обойти вниманием лексику животноводства. Занятие животноводством являлось основным видом хозяйственной деятельности у коренного населения края, и в процессе освоения забайкальского региона многие термины животноводства заняли прочное место в словаре региолекта русского языка того периода. В региональном узусе того времени функционировали древние, восходящие к праславянскому периоду наименования домашних животных, их древнерусские и старорусские названия, пришедшие вместе с их носителями с самых разных территорий Московской Руси, и новообразования, представляющие собой заимствования из языков коренных народов Сибири. Войдя в словарный состав забайкальского региолекта XVIII в., они образовали своеобразную лексическую систему, обладающую яркими чертами в отличие от общенародной.

Тематически группы слов, обозначающих домашних животных, многообразны. Примечательной особенностью, например, является группа слов-наименований верблюдов, заимствованных из бурятского языка. Необходимость этих вьючных животных в хозяйстве преимущественно зажиточных бурят предопределила их характеристику в качестве объекта имущественных отношений по признакам пола, возраста, состояния и их хозяйственного предназначения (названия *атан*, *ботогонок*, *верблюдок*, *бура*, *инга*). Впоследствии верблюды выходят из хозяйственного обихода, и их исчезновение объясняется тем, что «буряты перестали совершать дальние перекочевки, при которых вьючные животные были весьма полезными» [18, с.112]. Однако данные слова в основном представляют собой заимствования из бурятского языка.

В исследуемых памятниках богато представлена лексика мастей животных. Данные слова были очень актуальны в повседневной жизни людей, населяющих край. Указание масти животного, подробное перечисление отличительных примет были обязательными в случаях нередких краж скота и лошадей, конфискации имущества и передачи скота и лошадей в «государев табун». Чаще всего встречаются названия мастей лошадей, из которых наряду с распространенными общерусским словами *буланный*, *саврасый*, *игрневый* отмечаются региональные лексемы *голубой* ‘пепельный, светло-серый’, *крылатый* ‘чалый, с темными лопатками’, *халзанный*, *халюнный* и др. Из названий мастей других домашних животных отмечены слова, характеризующие масти представителей рогатого скота — *бабровый*, *коурый*. Употребительны в забайкальских документах такие наименования различных отметин на шерсти животных, как *иверень*, *выскирь*, *ремень*, *пестрина*, *чубарина*, *чатина* и др. Кроме того, тексты забайкальских деловых бумаг содержат названия частей тела животных, слова, обозначающие половозрастные признаки животных и особенности их поведения.

Среди ее лексико-семантических групп особой содержательностью выделяются наименования половозрастных признаков и мастей животных. Из других слов интерес в плане изучения общерусского и регионального представляют некоторые названия частей тела животных, обозначения примет, особенностей в поведении животных. Разрабатывая указанную проблематику, необходимо оговорить некоторые границы исследования: в работе не ставится задача анализа тех наименований, которые сохранились с древнейших времен, не претерпев каких-либо семантических и стилистических изменений (ср., например, названия мастей лошадей *саврасый*, *гнедой*, *буланный*).

В ЛСГ ‘половозрастные признаки животных’ представлены различные синонимические лексемы, характеризующие животное определенного возраста. Так, для обозначения животных возрастом до одного года используется ряд слов — *годовик*, *селеток*, *селетный*, *сегодный*:

Годовик. Слово употреблялось в значении ‘годовалое домашнее животное’: бычковь *годовиковъ* бычекъ черныи ... — 1 [ГАЧО, ф. 282, оп. 1, д. 4, л. 56, 1762]; жеребят *годовиков* ---2. [ГАЧО, ф. 282, оп. 1, д. 4, л. 56, 1762]. Данное слово имело в исследуемый период общерусское распространение [Сл. XVIII, вып. 5, с.151]. С пометой *прост.* и *обл.* слово представлено в толковом словаре современного русского литературного языка [МАС, I, с.324]. В современных русских говорах Забайкалья оно больше применяется в отношении жеребят по первому году [СГССЗ, с.101].

Селеток. В XVIII в. слово являлось абсолютным синонимом слова *годовик*, обозначая любое годовалое домашнее животное: *селетковъ* телять и бычковъ и телокъ пятнатцат[ь] [ГАИО, ф. 121, оп. 1, д. 6, л. 73 об., 1754]; жеребятъ *селетковъ* восемьдесятъ пять [ГАЧО, ф. 282, оп. 1, д. 4, л. 200, 1733]. В исторической динамике словарного состава сибирских говоров наблюдается конкуренция этих лексических единиц. Абсолютная синонимия, представляя собой в данном случае избыточность элементов языковой системы, устраняется таким образом, что в результате конкуренции наиболее активно употребляемое слово вытесняет из речевого обихода другое: например, в красноярских говорах при функционировании слов *сеголеток*, *селеток* ‘теленки в возрасте до одного года’ [Красн. сл., с.179] слово *годовик* отсутствует и, наоборот, в говорах семейских Забайкалья при употреблении слова *годовик* ‘жеребенок по первому году’ [СГССЗ, с.101] нет слова *селеток*. Как видно, постепенная семантическая дифференциация: данное слово меньше известно в забайкальских говорах.

В исследуемых памятниках домашние животные возрастом до одного года характеризуются также с помощью прилагательных *селетний*, *сегодний*, *лонской*: кобыла сивая и под нею жеребенокъ *селетней* [ГАЧО, ф. 31, оп. 3, д. 6, л. 39 об., 1793]; пятнатцать телять *сегоднихъ* [ГАЧО, ф. 282, оп. 1, д. 4, л. 200, 1733]; а скота де было при нем <...> коров одиннатцат[ь] теленковъ малыхъ *сегоднихъ* десять [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 2, л. 342 об., 1730]; две кобылы с *лонскими* жеребенками [ГАЧО, ф. 10, оп. 1, д. 6, л. 337, 1707]; отпущены были собственных ево лошадеи два мерина две кобылы и при нихъ два жеребенка *лонскихъ* в казачеи табунъ [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 643, л. 38, 1792].

Слово *сегодний*, по данным [Картотеки СРНГ], распространено в основном в северо-восточных (арх., ленингр., КАССР, печор., волог.) русских говорах.

В современных забайкальских говорах данные слова не сохранились.

Несколько наименований — *бурун*, *качарик*, *лоншак* — в забайкальских памятниках имеют животные по второму году.

Бурун. Слово в исследуемых памятниках имело значение ‘теленки по второму году’: две коровы пестры да белобока з двумя *бурунами* [НАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 332, л. 286, 1785]. Достаточно активно эта лексема используется и в современных русских говорах Забайкалья [Ирк. сл., 1, с.57; СГССЗ, с.63; Сл. Эл., с.71]. Являясь заимствованием из бурятского языка *буруун* ‘телка-двухлетка’ [Аникин, 2000, с. 145], слово в региональном узусе Забайкалья XVIII в. вступило в синонимичные отношения со словом *лоншак*.

Лоншак. В отличие от слова *бурун* данное слово употреблялось в значениях ‘теленки, жеребенок по второму году’: рогатого скота коровъ быков и с *лоншаками* всехъ семдесятъ пят[ь] [ГАИО, ф. 121, оп. 1, д. 8, л. 158 об., 1786]; жеребятъ *лоншаковъ* десять в том числе четыре кобылки [ГАИО, ф. 121, оп. 1, д. 6, л. 6 об., 1750]. Как видно, семантика слова в исследуемый период была шире, чем у слова *бурун*. Впоследствии лексемы *лоншак* и *бурун* семантически расходятся: если в современных русских говорах Забайкалья слово *бурун* сохранило указанное значение [СГССЗ, с.63], то семантика слова *лоншак* (*лончак*) теперь охватывает круг значений, связанных только с лошадей. Оно стало обозначать либо жеребенка по второму году [СГССЗ, с.250], либо характеризовать молодую необъезженную лошадь [там же, с.251], либо выступать с обобщенным значением ‘лошадь’ [СРНГ, вып. 17, с.129].

Качарик (*качарык, качерик*). Так же, как слово *бурун* данное слово обозначало теленка по второму году: *качариков* бычков и телокъ дватцат девять [ГАИО, ф. 121, оп. 1, д. 6, л. 279 об., 1755]; рогатого скота коров, нетелей, быковъ и *качариков* и малых теленков девяносто одна [там же, л. 277 об.]; одиннадцатъ *качарыков* родившихся в 754 году [там же, л. 6 об.]. Данная лексема активно и широко употребляется в современных забайкальских русских говорах, о чем свидетельствуют многочисленные фонематические и словообразовательные варианты слова: *качарак, качарик, качерик, кочерик* [СРНГ, вып. 13, с.142; СГССЗ, с.196]; *кашарик, каширик* [СРНГ, вып. 13, с.150; СГССЗ, с.196].

Подросток. Слово выступает со значением ‘молодое животное’: быковъ кладеных *подросковъ* <...> красной белохребтой --- 2 [ГАИО, ф. 482, оп. 1, д. 13, л. 6 об., 1749]; *подросковъ* егнать полугодовыхъ и ниже семдесят четыре [там же, л. 9]. Слово в данном значении распространено в современных пермских, свердловских, новосибирских, красноярских, говорах. При этом для томских и иркутских говоров уточняется обозначение словом *подросток* годовалого теленка, жеребенка [СРНГ, вып. 28, 161].

Третьячина. употребляется в значении ‘молодая корова по третьему году’: *третьячинъ* телокъ одна бура [НАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 17, л. 15 об., 1784]. По мнению Одинцова, слово *третьячина* входит в диалектную севернорусскую лексико-семантическую группу *лон(ь)шина-третьячина-четвертачина* [10, с. 187].

Среди тех названий физиологических особенностей домашних животных, которые были характерны для регионального узуса Забайкалья XVIII в., следует отметить наименования частей тела домашних животных.

Подбрюшица. Слово служит наименованием нижней части брюха у животных: а другая наледь на той же реке Селенге <...> была глубока коню до *подбрюшицы* [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 79, л. 373 об., 1769]. В истории русского языка слово известно с XVII в. [Сл. XI-XVII, вып. 15, с.224]. В виде различных однокоренных образований *подбрюшина* [Сл. Д., III, с.162], *подбрюшечье, подбрюшье, подбрюшица* [СРНГ, вып. 27, с.346-347]) слово сохранилось в основном в современных севернорусских говорах. *Подбрюшица* — словообразовательный вариант, характерный для архангельских говоров. Однако в русских говорах Забайкалья данное слово уже не фиксируется.

Стель. Слово употребляется в значении ‘холка лошади’: конь чалои грива на левую сторону на правую подле *стель* с отметоъ [ГАИО, ф. 482, оп. 1, д. 13, л. 1, 1749]. В данном значении слово отмечается во второй половине XVII в. [Картотека Сл. XI-XVII]. Как название хребта конской шеи вдоль гривы слово известно в современных севернорусских (северодвинских, печорских, вологодских) и сибирских (новосибирских, алтайских, иркутских) говорах.

Хрясцы. В исследуемых памятниках данная лексема имеет значение ‘нижние ребра животного’: [корова] красная брюхо и *хрясцы* белые [ГАИО, ф. 482, оп. 1, д. 13, л. 5, 1749]. В дальнейшем слово расширяет свою семантику: в современных русских говорах оно уже обозначает ягодицы или крестцовую кость скелета человека [Картотека СРНГ]. Отметим редкость территориальной характеристики слова — его функционирование в калужских говорах в отличие от большинства представленных в забайкальских памятниках севернорусских слов [Картотека СРНГ].

В забайкальском узусе русского языка XVIII века употребительными были региональные наименования мастей животных.

Бабровый. Слово употребляется в значении ‘красно-коричневый (о масти животных)’: быкь белой по всему пестрины бурые быкь *бабровой* правою бокомъ белъ [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 2, л. 523, 1730]. Лексема по-своему уникальна, поскольку в исторических и современных областных словарях в данном значении не отмечается [Сл. XI-XVII; Сл. XVIII; СРНГ и др.]. Обычно данное прилагательное интерпретируется в качестве производного от слова *бабр* ‘разновидность тигра’ [Сл. XVIII, вып. 1, с. 124]. Между тем **babhŕū*, реконструируемое в качестве праиндоевропейского корня, содержит семантический признак ‘красно-коричневый (о масти)’ [Иванов, 2002, с. 20].

В изучаемый период семантика некоторых слов, характеризующих масти животных, была шире, чем у современных. Так, слово *коурый* употребляется в значении ‘светло-рыжий, каурый (о масти животных)’: атань *коурой* кочки на праву сторону [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 22, л. 305, 1754].

Характеристика домашних животных по отличительной расцветке их шерсти преимущественно осуществляется с помощью слов, образующихся по достаточно регулярной словообразовательной модели — сложение корня слова со значением цвета (*бел-*, *черн-*, *красн-* и т. п.) и корня слова, обозначающего часть туловища животного соответствующей окраски: *белопоясый*, *белорожий*, *белохребтый*, *белохрясый* и др.

Белохребтый (белохрептый). Слово употребляется в значении ‘имеющий белую шерсть на хребте’: оных коровъ болшихъ <...> черная *белохребтая* [ГАИО, ф. 482, оп. 1, д. 13, л. 6 об., 1749]; корова бура *белохрепта* [ГАИО, ф. 482, оп. 1, д. 10, л. 14, 1748]. В этом же значении слово употребительно в современных архангельских и новгородских говорах [СРНГ, вып. 2, с. 225].

Белорожий. Слово в памятниках выступает со значением ‘с белой шерстью (о морде животного)’: третьячинъ телокъ одна бура <...> четвертая красная *белорожа* [НАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 17, л. 15 об., 1784]. В современных русских говорах слово не представлено, однако отмечено наименование *белорожка* ‘кличка коровы с белым пятном на лбу’ в вологодских и ярославских говорах [СРНГ, вып. 2, с. 224].

Белопахий. Слово имеет значение ‘с белой шерстью в пахах (о животном)’: [бык] бурой белохрептой белобрюхой и *белопахой* [ГАЧО, ф. 31, оп. 1, д. 166, д. 60 об., 1777]. В этом значении слово присуще современным пермским говорам и русским говорам Латвии [СРНГ, вып. 2, с. 223].

Белохрясый. Слово отмечено в значении ‘с белыми хрящами — нижними ребрами (о животном)’: [бык] чалой белобокой и *белохрясой* [ГАЧО, ф. 31, оп. 1, д. 166, л. 61 об., 1777]. По свидетельству СРНГ, современным русским говорам слово неизвестно. Возможно, это связано с тем, что слово *хрясы* в говорах употребляется в ином значении.

Интересно, что данные характеризующие слова применительны исключительно по отношению к скотине. В принципе аналогичные отметины присущи и лошадям. Например, лошадь, имеющая белые отметины на лбу и на ногах, называется *халзаной*; конь с белой мордой именуется *чанкирым*; с темными лопатками — *крылатым*. Возможно, слова, образованные по указанной выше словооб-

разовательной модели, обозначают расцветку шерсти тех частей тела рогатого скота, которые у лошадей редко имеют подобную окраску.

Рассматривая в первую очередь регионализмы, из наименований мастей лошадей следует выделить те, которые были употребительны в узусе деловой письменности Забайкалья XVIII в.: *голубинный, голубой, синий, крылатый, халзанный, халюный (калюный), чанкирый, шаргулый, шахматый (в шахматы)*.

Голубой. Слово в исследуемых памятниках имеет значение ‘пепельный, светло-серый (о масти животных)’: купленные в полку якуцкомъ две лошади шерстью *голубые* нами освидетельствованы [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 96, л. 68, 1772]. В данном значении слово употребляется в современных пермских, тобольских, алтайских говорах [СРНГ, вып. 6, с. 340].

Голубинный. Слово, является словообразовательным вариантом лексемы *голубой*: ис приплодных жеребчикъ *голубинной* крылатаи [ГАЧО, ф. 31, оп. 1, д. 10, л. 403, 1759]. Между тем в современных русских говорах значение ‘пепельный, светло-серый (о масти животных)’ у этой лексемы не отмечается, само же слово выступает только в сочетаниях *голубинный бог, голубинный хмель* и т. п. [СРНГ, вып. 6, с.337-338]. Скорей всего, слово в анализируемом значении не выдержало конкуренции с однокоренным образованием *голубой* в силу омонимичности с производным прилагательным от слова *голубь*.

Синий. Слово употребляется в значении ‘сивый (о масти лошади)’: четырех лошадей с телегами и всякой конскою упряжью шерстью *шаргулая* рыжая и две *синих* [НАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 332, л. 286, 1785]. В данном значении слово отмечено только в современных пермских говорах [СРНГ, вып. 37, с. 331].

Крылатый. Слово обозначает чалуу, с темными лопатками лошадь: кобылокъ годовых саврасая *крылатая* --- 1 [ГАИО, ф. 482, оп. 1, д. 13, л. 4 об., 1749]; оставил я <...> для прекормления мою собственную корову шерстью бурую *крылатую* с рогами [ПЗДП, 84, л. 18, 1773]. По свидетельству [СРНГ, вып. 15, с. 341], слово с указанным значением сохранялось еще во 2-й пол. XIX в.

Халзанный. Слово употребляется в значении ‘имеющий белые отметины на лбу и на ногах (о лошади)’: конь соловой *халзаной* грива направо с отметом [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 2, л. 372, 1730]. *Халзанный* является заимствованием из бурятского языка. Следует отметить сохранившуюся активность употребления данного иноязычного слова, свидетельством чего является функционирование в забайкальских говорах наряду с данным словом его производных образований *халзан, халзанка* [СГССЗ, с. 495].

Халюный (калюный). Слово характеризует лошадь светло-серой, игренивой масти: при мнстре конного табуна <...> к[онь *халюной*, грива на обе стороны [ГАИО, ф. 121, оп. 1, д. 6, л. 255 об., 1755]; дали коня иноходого шерстью *калюного* [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 34, лл. 250-250 об., 1764]. Так же как и предыдущее слово, данная лексема, представляя собой заимствование из бурятского, ср., бур. *халюун* «игренивый (о масти)» [Аникин, 2000, с.606], активно используется в современных забайкальских говорах. Наряду с данным словом представлено производное образование *халюнка* [СГССЗ, с.495].

Чанкирый. Слово употребляется в значении ‘пегий, с белыми мордой, ресницами и копытами (о масти лошади)’: коня ж по пятому году шерстью *чанкирого* с чюбаринами отдал ли того я подлинно не знаю [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 34, л.

249 об., 1764]. Ареал функционирования слова ограничен забайкальскими говорами [Картотека СРНГ].

Шаргульй. В забайкальских памятниках слово употребительно в значении ‘соловой, палевой (о масти лошади)’: четырех лошадей с телегами и всякой конскою упряжью шерсти *шаргулая* рыжая и две синих [НАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 332, лл. 286, 1785]. Являясь заимствованием из бурятского языка, слово затем не прижилось в русских говорах, поскольку дублировало широко распространенное русское название *соловий*.

Шахматый (в шахматы). Слово применяется в значении ‘пегий, с пятнами, похожими на шахматный рисунок’: а о коне точно показать незнаю токмо жеребец *шахматой* [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 34, л. 252 об., 1764]; мериньв добрых взяль ли и в том числе один кон[ь а другой жеребец *в шахматы* [там же]. В этом же значении словообразовательный вариант *шахматный* представлен в вятских, вологодских, костромских говорах [Картотека СРНГ].

Кроме характерных признаков расцветки шерсти для опознания животных в забайкальских документах широко использовались различного рода специальные метки (*иверень, выскирь, пнем*) и естественные отметины (*ремень, пестрина, чатина, чубарина, подпарина*).

Ремень. У слова в памятниках выявляется значение ‘темная полоса вдоль хребта у лошади’: конь гнедой грива на левую сторону по спине черной *ремен[ь]* [ГАИО, ф. 482, оп. 1, д. 13, л. 1, 1749].

Пестрина. Слово употребляется в значении ‘пятно другой масти на шкуре животного’: а быкъ в шерсти белой от передних лопаток по шее *пестрины* бурые [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 2, л. 310, 1730].

Чатина. Слово предположительно имеет значение ‘пятно другой масти на шерсти домашнего животного’: оных коровь болших <...> бурая бока белые с *чатинами* [ГАИО, ф. 482, оп. 1, д. 13, л. 5, 1749]. В известных исторических и областных словарях слово в анализируемом значении не фиксируется, однако в современных русских говорах (зауральских, новосибирских, красноярских, томских) оно служит наименованием пятна, отметки: *огурцы-та с чатинами* [Картотека СРНГ]. По крайней мере очевидно, что варьирование семантики слова происходило в сибирских говорах.

Чубарина. Слово выступает в значении ‘темное пятно по светлой шерсти домашнего животного’: коня ж по пятому году шерстью чанкирого с *чубаринами* отдал ли [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 34, л. 249 об., 1764]. Данное образование в забайкальских говорах не сохранилось, в то время как во вторичном уральском говоре оно получило дальнейшее семантическое развитие. Слово отмечается в значении ‘коричневое пятно на лице’ [Картотека СРНГ].

Иверень. Данное слово служит наименованием метки, вырезанной за ухом домашнего животного: сего числа об[ъ]явил Разгилдеевъ прибудную лошадь меринь рыжеи грива направо у праваго уха зади *иверень* вырезань [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 219, л. 84, 1779]. В XVIII в. слово было широко распространено: в частности, обнаруживается его функционирование в московских документах изучаемого периода: первая лошад <...> ис праваго уха значит *иверен* вырезань [РГАДА, ф. 372, оп. 1, д. 6085, л. 11, 1741].

В забайкальском узусе русского языка активность употребления слова свидетельствуется производным образованием *иверешек* «небольшой *иверень*»: [конь]

голубой грива направо с отметомъ у леваго уха <...> ззиди *иверешокъ* вырезанъ [ГАЧО, ф. 31, оп. 1, д. 166, л. 35, 1777].

Выскирь. Слово употребляется в значении ‘клином выстриженная метка на ухе домашнего животного’: конь сивой ноздри пороты грива налево с отметомъ право ухо сбоку *выскиремъ* вырезано [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 6, л. 9, 1731]. Данное слово было общеупотребительным в русском языке в предшествующую эпоху со значением ‘поваленное бурей дерево; бурелом’ [Сл. XI-XVII: 3, с.248]. В исторических словарях XVIII в. оно уже не фиксируется.

В отмеченном значении слово отмечается в современных вятских, пермских и уральских говорах [СРНГ, вып. 6, с.21].

Пнем. Слово употребляется в значении ‘наполовину, наподобие пня (об обрешанных ушах лошади)’: конь рыжей <...> уши оба пнем срезаны [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 2, л. 462, 1730].

Подпарина. Слово употребляется в значении ‘сбитая седлом кожа на спине лошади’: меринъ рыжь <...> на спине седелные *подпарины* [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 12, л. 198, 1770]. Интересно то, что при отсутствии слова *подпарина* в СРНГ представлен глагол *подпаривать/подпарить* в близких значениях ‘безл. о раздражении, опрелости на коже’ и ‘о ссадинах, потертости на коже лошади хомутом, седелкой и т. п.’ с иллюстративным примером *у ребенка подпарено в пахах* [СРНГ, вып. 28, с. 129]. В данном случае контекст не исключает толкование глагольной формы *подпарено* при условии соответствующей редукции безударных гласных в вятских говорах, где отмечено слово, как формы Им. п. существительного *подпарина*.

Наконец, для характеристики животных активно использовалась лексика, обозначающая специфические особенности поведения животных.

Суровой. Слово отмечается в значении ‘необузданный, норовистый (о животном)’: а между тем де та лошад[ь] какъ будучи весма *сурова* неведомо какъ сорвавшис[ь] убежала [НАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 332, л. 297 об., 1785]. Очевидно, следует восстанавливать такую форму Им. п. м.р. на *-ой* и другие падежные формы данного слова, которые предполагают ударение во флексии, в связи с тем, что в русских говорах Забайкалья, а также алтайских, уральских говорах это слово в указанном значении характеризуется подобным ударением: Мы каня купили. Вот суравой папалси [СГССЗ, с. 460]; дикая лошадь, суровая [Картотека СРНГ].

Суворость. Значение слова — ‘упрямство, норовистость (о животном)’: да из данных мне казенных шести лошадей меринъ сивой которой к воске за *суворостию* и за присталью не способенъ и в работу не употребляетца [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 12, л. 211 об., 1770]. В современных русских говорах данное слово не отмечается.

Урос. Слово *урос* употребляется в значении ‘норов, упрямство (о животном)’: купленные в полку якуцкомъ две лошади <...> оказались упряшкою в саяхъ за *уросомъ* их <...> непрочны и неспособны [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 96, л. 68, 1772]. Характерен ареал распространения слова в анализируемом значении. Это севернорусские (вологодские, архангельские) и сибирские говоры (новосибирские, иркутские, томские, амурские, приамурские, забайкальские) [Картотека СРНГ].

Таким образом, памятники забайкальской деловой письменности XVIII в. как источник по исторической лексикологии русского языка отличает то, что они

содержат богатый и ценный материал по лексике домашних животных. Характеристика функционирования слов по территориальному признаку выявляет в подавляющем большинстве случаев севернорусский ареал их распространения. Обращает на себя внимание совпадение значительного количества слов, употребляющихся в пермских и забайкальских говорах, что в случае с пермским регионом может указывать на место выхода русских первопоселенцев.

Литература

1. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000.
2. ГАИО — Государственный архив Иркутской области
3. ГАЧО — Государственный архив Читинской области
4. Иванов Вяч. Вс. Славяно-арийские (индоиранские) лексические контакты // Славянские языковые и этноязыковые системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002. С. 20–21.
5. Ирк. сл. — Иркутский областной словарь. Иркутск, 1973–1979. Т. 1–3.
6. Картотека СРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров, хранящаяся в Институте лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург).
7. Красн. сл. — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.
8. МАС — Словарь русского языка в четырех томах / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Изд-во «Русский язык», 1981.
9. НАРБ — Национальный архив республики Бурятия
10. Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М., 1980.
11. РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
12. СГССЗ — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1998.
13. СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965–2004. Вып. 1–37.
14. Сл. XVIII — Словарь русского языка XVIII века
15. Сл. Д. — Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка: в 4 т. М., 1989–1991.
16. Сл. XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 1–26. М.: Наука, 1975–2003.
17. Сл. Эл. — Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980.
18. Тумурова А. Т. Генезис обычного права бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005.

LIVESTOCK'S VOCABULAR OF RUSSIAN TRANSBAIKAL DIALECT IN THE XVIII CENTURY

Alexander P. Mayorove

Science Doctor in Philology, Professor,
Banzarov Buryat State University
6, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: map1955@mail.ru

The article considers the vocabulary of animal husbandry, which occupies one of the main places in the Russian Transbaikal dialect's lexicon of the 18th century. The relevance of this research lies in the fact that this vocabulary has a pronounced regional specificity, which is due to the fact that animal husbandry, which was the main type of economic activity among

the indigenous population of the region, had a great influence on the nature of Russian management in the development of the Transbaikal region.

The work on the material of the Trans-Baikal monuments of business writing describes a variety of thematic groups of words denoting pets. In the studied monuments, regional vocabulary of animal suits is richly represented — horses, cattle and small cattle, camels (*бобровый, халзанный, халюный* etc.) among which semantic regionalisms should be especially noted (*голубой* ‘ashen, light gray’, *крылатый* ‘roan, with dark shoulder blades’). Groups of words, naming animal body parts (*подбрюшица, хрясцы, степь* ‘withers of a horse’), names of natural and special marks on animal hair (*иверень, выскирь, чубарина, чатина* etc) are distinguished: the activity of their use was associated with cases of frequent theft of livestock and horses, confiscation of property and transfer of livestock and horses to the “sovereign herd”. We consider a group of words denoting sex and age signs of animals (*селеток, бурун, качарик, лонишак* etc.), whose verbal characterization in the Transbaikal region in part is due to the influence of the Buryat language. A thematic group of words representing the features of animal behaviour (*суровой, урос*) is also presented.

Keywords: vocabulary, domestic animals, regionalism, Transbaikal monuments of business writing of the XVIII century.